

Владислав ГРИБОВСКИЙ, кандидат исторических наук
Дмитрий СЕНЬ, доктор исторических наук

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ПОЛЁТ СОКОЛА

Закат крымско-татарского государства и реформы Шагин-Гирея*

Шагин-Гирей.

«Просвещённый» XVIII век был триумфом для Европы, но катастрофой для всего того, что самоуверенные европейцы называли Азией. Европа модернизировалась и ставила в колониальную зависимость остальной мир. России также хотелось быть Европой и в качестве таковой участвовать в дележе мирового пирога (дабы самой не стать его лакомой частью). Азией для неё стала Османская империя, раздел которой на Карловицком конгрессе 1699 года многим европейцам представлялся вопросом скорого времени. Но на поверку она оказалось весьма крепким орешком. В течение всего «просвещённого века» его не всегда успешно пытались расколоть и Австрия, и Россия, и английская дипломатия, схлестнувшаяся с французской. Последний крымский хан Шагин-Гирей (1745–1787) стал той трещиной в пористой скорлупе османского ореха, расширяя которую, было возможным откалывать по кусочкам от Рах Османиса Северное Причерноморье. Считавшийся законным наследником Чингисхана и обладавший правом занятия турецкого престола, в случае угасания династии Османов, он, попав в цепкие руки Екатерины II, оказался мощным орудием разрушения вековой связи Крымского ханства с Османской империей.

При общей известности этой исторической личности до сих пор не выяснены цели и мотивы, которыми руководствовался Шагин-Гирей, этот, по отзывам многих современников, далеко не заурядный человек. Ф. Ф. Лашков, автор единственного до сего времени научного исследования личности этого хана¹, представил его как неудачного подражателя царю-реформатору Петру I. Современная крымско-татарская писательница Г. Абдулаева, видоизменив этот тезис, попыталась создать образ Шагин-Гирея как правителя, по-европейски образованного и прогрессивного, стремившегося к модернизации своего государства и вступившего в трагическое противоборство с превосходящими его силы обстоятельства-

ми². Напротив, В. Е. Возгрин, признавая теснейшие связи Шагин-Гирея с русским двором, характеризует хана как человека, «предавшего интересы Крыма», и как «клеветы» Екатерины II³. Критического рассмотрения и продолжения требует изучение реформ Шагин-Гирея, предпринятое американским исследователем Аланом У. Фишером⁴.

В этой статье мы рассмотрим вопрос о том, насколько самостоятельной была власть последнего крымского хана, каким был набор возможностей, исходя из которого, он предпринимал те или иные действия, а также то, насколько полно эти возможности использовались для реформирования и сохранения крымско-татарского государства. Нам трудно согласиться с оценками, согласно которым, поздняя история Крыма рассматривается как история *предопределённая*, в которых камертоном звучит мысль о «справедливом возмездии» Крыму за столетия татарских набегов на территорию России, о неизбежности ликвидации ханства. Мы увязываем вопрос о жизнеспособности Крымского ханства в 1772–1783 годах,

о перспективах его существования с попытками *вестернизации*, частично реализованными Шагин-Гиреем⁵.

Как и многие представители династии Гиреев, Шагин родился и получил воспитание в Румелии, балканской провинции Османской империи. Рано лишившийся отца, он не мог рассчитывать на скорый старт своей административной карьеры. Превратности судьбы принуждали его к переездам: он оказался в Италии, где получил некое образование⁶. Однако значение этого для формирования личности будущего хана-реформатора не стоит преувеличивать: современники характеризовали его как человека «превосходного ума и образованности, соответствующей его стране»⁷, но не как просвещённого европейца. Европейские манеры, приписываемые Шагин-Гирею в литературе, были знакомы ему с юности. Но вряд ли он мог открыто демонстрировать их на начальном этапе карьеры, когда всецело полагался на своего дядю — Крым-Гирея, известного своей нелюбовью к России.

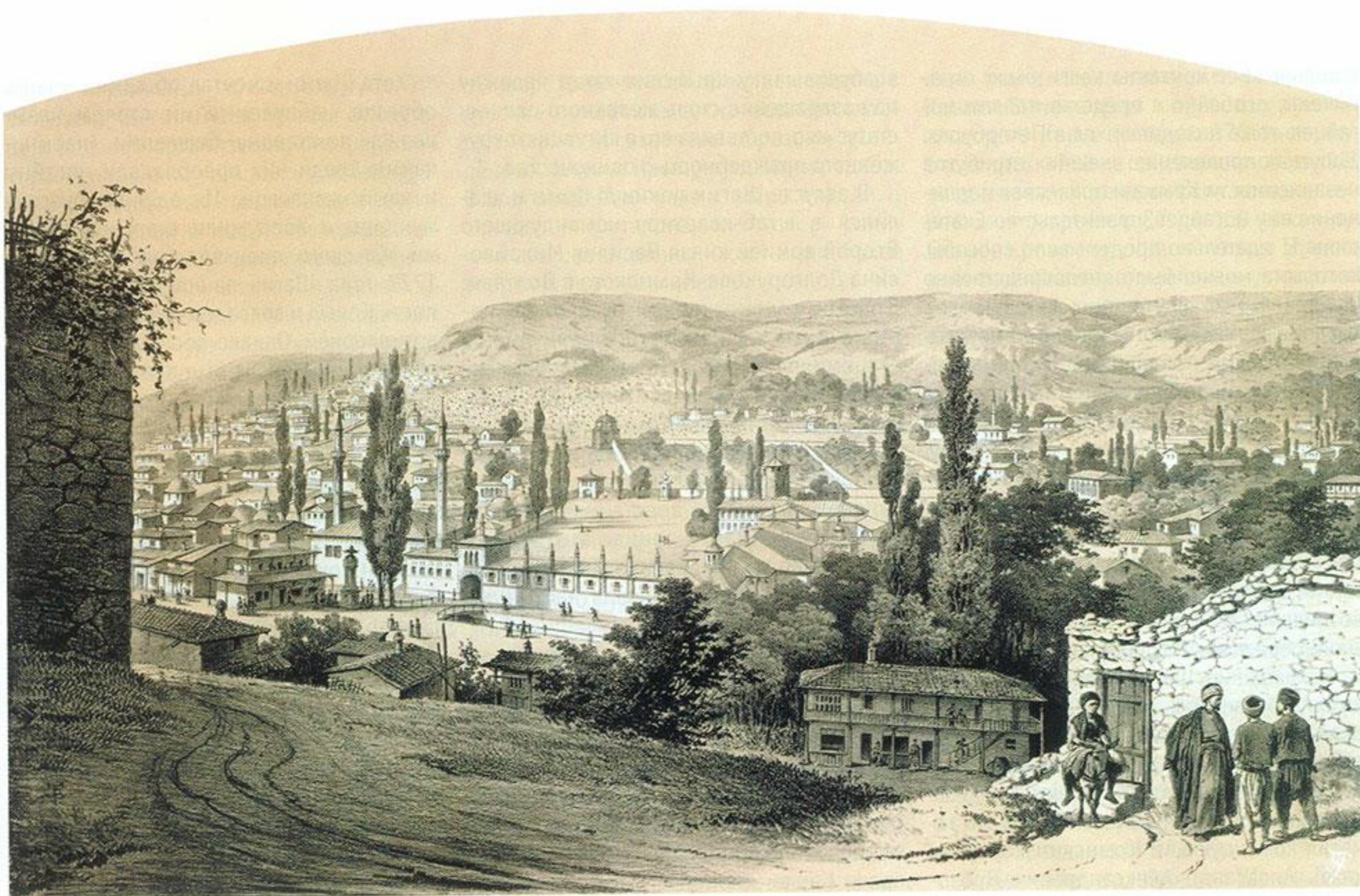
Вторично заняв ханский престол в 1768 году, Крым-Гирей назначил Шагина сераскером (правителем) едисанских ногайцев⁸. Это красноречиво говорит об особом благоволении хана к племяннику,

Крымские татары.

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

поскольку именно с помощью едисанцев Крым-Гирей в первый раз получил ханские регалии в 1758-м. По всей видимости, Шагин как глава Едисанской орды принимал участие в походе дяди на Новую Сербию в феврале 1769-го. Но после смерти Крым-Гирея и назначения нового хана он оказался не у дел, пополнив ряды многочисленных крымских султанов — наследников хана, зачастую тщетно ждавших своего звёздного часа.

Привычный Шагину мир менялся до неузнаваемости. Летом 1770 года русская армия одержала крупные победы над турецкими и крымскими войсками в Молдавии и отколола от крымского подданства ногайцев Едисанской и Буджацкой орд, принудив их к заключению союза. Ситуация достигла предельного накала в январе 1771-го, когда в Бахчисарай прибыл русский представитель Н. Мавроени с предложением о союзе. Посланника взяли под стражу; ханский диван был собран для обсуждения вопроса о его казни. Но против этого выступил Шагин-Гирей, который при поддержке крымского духовенства добился освобождения дипломата. Тайные договорённости между Шагином и Мавроени зашли так далеко, что Мавроени передал едисанским мурзам приветствие от их бывшего сераскера, с уверением, что тот не оставит их без внимания⁹. С этого момента в Петербурге знали о Шагин-Гирее

Вид города Бахчисарая в Крыму. Столб времён Екатерины II. Греческая церковь. Ханский дворец. Татарское кладбище. Гробница Марии. Гарем. Рисовал с натуры Ф. Гросс. Печать в литографии А. Мюнстера. XIX в.

как о наиболее дружелюбно настроенном к России крымском султани.

Воспользовавшись слабостью ханской власти, Шагин наладил постоянную связь с ногайцами. 8 апреля они заявили о своём желании избрать его своим ханом. Екатерина II сначала согласилась с этим, но 13 мая изменила решение, полагая, что создание даже послушного ей, возглавляемого представителем династии Гиреев, ногайского государства чревато непредсказуемыми осложнениями. Она склонилась к тому, чтобы не дробить Крымское ханство, а добиваться его независимости от Турции и зависимости от России. Шагин-Гирей представлялся ей самой подходящей кандидатурой на крымский престол¹⁰. В июне того же 1771 года русские войска заняли Крым, и 27 июля в Карасубазаре собрались представители крымских элит, подписавшие предварительное соглашение о разрыве с Турцией, о дружбе с Россией, об отрешении хана Селим-Гирея и об избрании нового хана, согласно «древним обычаям»¹¹.

Поскольку крымцы уже увидели в Шагин-Гирее преданного сторонника России, в Петербурге сочли рискованным навязывать его кандидатуру. Ханом стал его

брат Сахиб-Гирей, бывший ор-бей, выглядевший вполне компромиссной фигурой. Шагин-Гирей принял второй по значению титул в ханстве — калги-султана. При этом статус Шагин-Гирея Екатерина II подтвердила сразу, а признание Сахиб-Гирея отложила до времени подписания окончательного договора с Крымом. Хану и его правительству было разрешено «действительно вступить в правление Крымского полуострова со всеми... прежними обыкновениями», однако лишь после подписания «акта своего отрицания... от Порты, с обязательством никогда... оной не подчиняться». В знак декларируемой дружбы администрация ханства получила в своё ведомство все османские владения на южном берегу Крыма, завоёванные русскими войсками. Для гарантии этой дружбы и «приобретения хана к независимости» в Бахчисарай прибыл русский представитель Пётр Петрович Веселицкий¹².

Для получения ратификационных грамот от императрицы 25 августа в Петербург выехали крымские посланники во главе с Шагин-Гиреем. Калга повёл себя в русской столице как представитель действительно независимой державы и добился принятия его по церемониалу приёма послов Турции и Персии¹³. Обеспокоенная поведением Шагина, Екатерина решила его задержать при своём дворе «для вразумления». Это делалось ненавязчиво, но последо-

вательно. Все контакты калги были ограничены, особенно с представителями ногайцев, тоже находившихся в Петербурге. Допуская проявление внешних атрибутов независимости Крыма и признавая подчинение ему ногайцев, правительство Екатерины II тщательно продумывало способы, которыми можно было «непосредственно участвовать во внутренних сих народов распоряжениях» и оперировать «некоторыми точными правилами»¹⁴. «Вразумление» строптивного крымского калги сводилось к тому, что ему отвели шикарные апартаменты, вдвое увеличили сумму, отпускаемую на его содержание, показывали всё, что он желал видеть и слышать: военные парады, технические новинки и промышленные объекты, театр, музыку и танцы; оплачивали его огромные долги, возникшие вследствие ведения им светского образа жизни по высшему разряду¹⁵.

Нахождение Шагин-Гирея в северной столице затянулось до февраля 1773 года, оказав неизгладимое воздействие на его образ жизни, стиль мышления и взгляды на будущее своего государства. После возвращения Шагина в Бахчисарай это заметил командующий Крымским корпусом князь Александр Александрович Прозоровский: «...Нашёл я его сидящим на крае софы по европейскому обыкновению»¹⁶. Но случившаяся в калге перемена была не только аккультурацией; проезжая по пути в Крым занятую русскими Тамань, он «святейшими клятвами обязался быть России верным»¹⁷. Крымские татары, ранее знавшие его как одного из сторонников России среди своих, с этого момента заговорили о нём как о чужом: о том, что Шагин принял христианство или, того хуже, женился на русской царице...

13 марта 1773 года Шагин-Гирей выступил на заседании дивана с оглашением подписанных Екатериной II грамот и проекта мирного договора с Турцией, в котором говорилось о независимости Крыма. Его слушали напряжённо. Особое недовольство вызвало осуждение калгой традиционной пятничной молитвы крымских мусульман за турецкого султана. Он говорил, что, как сын своего отечества, опечален тем, что оно уподобилось «лодке на море, между каменистыми горами штормом то к одной, то к другой бросаемой до самого разбития»¹⁸. Калга-султан продолжал исполнять свои обязанности, проявив себя приверженцем идеи независимости Крыма. К немалому раздражению русских властей, он опротестовал строительство новой церкви в Георгиевском монастыре¹⁹. Однако и этим Шагин-Гирей не смог добиться доверия крымских мусульман. Дальнейшая активизация военных действий между Россией и Турцией,

возбуждая у крымских татар надежду на возвращение столь желанного для них статус-кво, поставила его в ситуацию окружённого враждебностью одиночества.

В августе Шагин покинул Крым и удалился в штаб-квартиру командующего Второй армией князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского в Полтаве. В связи с уменьшением русского влияния в Крыму в Петербурге вернулись к старому плану: содействовать провозглашению Шагина правителем ногайцев, что позволит ему в дальнейшем претендовать на крымский престол. Помня, что его выдающийся дядя стал крымским ханом в результате восстания ногайцев в 1758 году, Шагин принял этот план и отправился в междуречье Кубани и Еи, где кочевала тогда большая часть причерноморских ногайцев.

С этого момента Шагин перешёл на почти полное содержание Российской империи. Ежемесячно он получал по тысяче рублей на личные нужды и ещё 400 рублей на своих чиновников. Среди таких были 24 русских подданных, включая смотрящего за обозом капитана Алымова, переводчика Андрея Константинова, врача Карла Эбелинга, а также кучеров, погонщиков, цирюльников и калмыков, устанавливавших его кибитки²⁰. Он был лишь номинальным правителем Кубани; реальным хозяином региона оставался ейский пристав И. Ф. Лешкевич, который взял в свои руки и строительство временной столицы Шагин-Гирея, и почти все вопросы управления ногайцами²¹.

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, казалось бы, дал всё, чего добивалась Россия в той изнурительной войне. Однако её успехи были практически сведены на нет избранием на крымский трон Девлет-Гирея, оставшегося верным Турции.

Шагин-Гирей, сохранивший за собой статус калги, выглядел как не признанный никем, кроме ногайцев, правитель Кубани, принадлежность которой к Крымскому ханству подтверждалась тем же договором. Правительство Екатерины II заявляло представителям Турции, что никак не связано с Шагином, но при этом стало активно готовить его интронизацию в Крыму. Одним из средств достижения этой цели стало создание «армии» Шагин-Гирея, якобы действующего самостоятельно. Не имевший возможности создать на Кубани полноценное управление от своего имени, он направил все имеющиеся у него силы и средства на создание собственных вооружённых сил. Тем самым Шагин-Гирей словно пытался воспроизвести действия Петра I, начавшего укрепление своего государства с создания регулярной армии.

Хотя Шагин и мечтал об армии нового образца, набираемые им отряды назывались по-старому бешлеями (наёмниками); среди них преобладали ногайцы и адыги-жанеевцы. Их одели в русские мундиры и вооружили старыми ружьями тульского производства²². В начале 1777 года Шагин занял турецкую крепость Копыл и завладел имевшейся в ней артиллерией. Однако последовавший затем штурм Темрюка был провален: турки отбили атаку и выяснили, что в его войске находились россияне. После этого Порты, действуя при поддержке Франции, выдвинула претензии к России. Тогда, пренебрегая неизбежными политическими осложнениями, русская армия уже открыто блокировала Перекоп, вытеснила турок из Темрюка и 11 марта обеспечила переправу Шагина на Крымский полуостров. 22 апреля состоялась официальная церемония возведения Шагин-Гирея на крымский престол²³.

С этого момента он решил сполна воспользоваться независимостью внутреннего управления, которую предоставила ему русская власть, оставившая за собой только вопросы безопасности от вмешательства извне. Шагин-Гирей стал лихорадочно проводить реформы, добиваясь обновления крымской жизни — вплоть до того, что отказывался чинить старые дома, полагая, что состарившееся должно умереть своей смертью²⁴. Единственным образцом для подражания было то, что он наблюдал в потрясшем его воображение Петербурге. Себя Шагин-Гирей видел не иначе как абсолютным монархом. В присяге, подписанной крымскими элитами 30 марта 1777 года, содержался отказ от принципа избрания хана; правом определения преемника (калги) владел только он. Этот пункт противоречил Кючук-Кайнарджийскому договору, но русские власти поставили Порту в известность о нём как о *свершившемся факте*²⁵. Шагин-Гирей восстановил работу дивана, который при Девлете не собирался, и включил в его состав 12 представителей от карачейских родов Ширинов и Мансуров, поддержавших его при занятии трона; остальные роды карачи-беев остались не у дел²⁶. Вся территория ханства делилась на 6 округов во главе с каймаками, назначаемыми ханом; каймакамства подразделялись на 44 кадылыка²⁷.

Реформа была направлена на ломку прежней системы административно-территориального управления, основанной на родовом принципе. Однако обнаружилось, что новая система не работает: назначаемые ханом должностные лица не имеют реальной власти, становясь предметом насмешек со стороны беев и

мурз — реальных хозяев округи²⁸. Это вынудило Шагин-Гирея отчасти вернуться к родовой организации: распределить управление между Ширинами и Мансурами и оставить под собственным контролем Бахчисарай и Кафу²⁹. Вынужденный возврат к родовому принципу во многом обусловил половинчатость и, в конце концов, неудачу других реформ. Сохранение власти беев и мурз над большей частью территории Крыма ограничивало поступления в государственную казну, и, следовательно, сковывало все другие реформы. Хан попытался найти выход в конфискации владений бежавших беев и мурз, а также в изъятии вакуфных земель. Однако и здесь возникли трудности с созданием местного аппарата управления. В итоге Шагин попытался вернуться к прежней практике передачи ханских владений на откуп³⁰. Причём эта участь постигла и богатый портовый город Кафу, и весь южный берег Крыма, где последний крымский хан так и не смог создать администрацию, равную по эффективности османской. Незаконченным остался ханский дворец, который должен был стать центром обновлённого управления Крымом³¹...

Военная реформа, которой Шагин-Гирей придавал наибольшее значение, с самого начала натолкнулась на непонимание большей части населения Крыма. Бешлеи, собранные на Кубани, представлялись ему ядром будущей армии, численность которой предполагалось довести до 20 000 человек путём введения рекрутского набора (по 1 человеку от 5 домовладельцев). Однако реально к 800 бешлеям прибавилось лишь несколько тысяч крымско-татарских юношей. Представители России тщетно пытались отговорить хана от мобилизационных экспериментов, ссылаясь на возможное «взволнование» всей «татарской нации»³². Всё-таки ханские чиновники рассылались во все деревни, описывали население и его имущество, наблюдая, чтобы набор по рекрутской повинности (с обеспечением оружием и лошадьми за собственный счёт) производился исправно. В итоге собранные рекруты подняли бунт такой силы, что хану пришлось укрыться под защиту русских отрядов³³.

Реформаторская деятельность последнего крымского хана уже через полгода вызвала шквал протестов его подданных, в котором соединились и раздражение отрешённых от влияния на государственные дела карачи-беев, и недовольство духовенства секуляризацией вакуфов, и общее озлобление мусульман намерением ханских властей заставить их платить налоги наравне с христианами. Наиболь-

шим презрением пользовались одетые в русское армейское сукно бешлеи, которые стали «косязаемым образом» заведённых ханом в Крыму русских порядков. В нововведениях хана «татары видели... скандальное отклонение от своей религии, а в своей религии они были более уверены, чем в Шагине»³⁴.

Восстание, разразившееся против Шагин-Гирея, вскрыло не только отсутствие у него широкой социальной базы, но и пошатнуло традиционный баланс отношений, выдерживавшийся между мусульманским и христианским населением Крыма. Намерение хана уравнивать крымских христиан в правах с мусульманами создало почву для возникновения вражды на конфессиональной основе. Вследствие этого русское правительство решило немедленно вывести всех христиан с полуострова. Это событие, по оценкам Фишера, положило конец мечте Шагина о «сильном вестернизованном Крымском государстве»; вместе с христианами его государство утратило наиболее продуктивную часть своего населения, которое определяло наполнение ханской казны³⁵. Но не только Шагин-Гирей вызывал раздражение крымских татар: нужно учесть и их недовольство по поводу нахождения русских войск в Крыму³⁶.

В феврале 1778 года власть Шагин-Гирея была восстановлена, однако, несмотря на предпринятые им репрессии, она держалась исключительно на русских штыках и субсидиях. Хотя он и получил признание турецкого султана (закреплённое при заключении Айналы-Кавакской конвенции 1779 года), но как только, согласно этой конвенции, русские войска были выведены из Крыма, ситуация вновь стала постепенно выходить из-под контроля. При этом, как отметил русский наблюдатель И. Цебриков, в отношении Шагина к России произошла перемена, причиной которой стало его недовольство выселением христиан из Крыма. В свою очередь, менялось и отношение к нему Екатерины II, которая не только не находила в нём проводника своих интересов в Крыму, но и убеждалась, что именно он составляет главное препятствие для их реализации.

Возникла «странная» ситуация: зависимый от России в военно-политическом и финансово-экономическом отношении правитель, не сумевший создать стабильное управление внутри своих владений (что на данном этапе вполне устроило бы Петербург), пытался вести себя независимо от России. Причём это выражалось не только в эпатажных выходках хана по отношению к русским резидентам, но и в проведении меркантилистских мероприятий — в издании указа о том, что ни

одна монета не должна уйти за пределы Крыма. В итоге, если в 1776 году русский экспорт в Крым составил 370 тысяч рублей, то в 1780-м он сократился до 130 тысяч; импорт же крымских товаров вырос за это время с 87 до 105 тысяч рублей³⁷. Кроме того, Шагин-Гирею удалось добиться некоторого успеха в устройстве собственного монетного двора, чистая выручка от которого с 1780 по 1783 год составила более 17 тысяч рублей³⁸.

Большинство населения Крыма не видело и не хотело видеть в правлении Шагин-Гирея никаких положительных результатов, рассматривая его как предателя, продавшегося русским и изменившего не только своей родине, но и религии. Крупное восстание крымских татар в сентябре — октябре 1782 года, с трудом подавленное русскими войсками, стало последней точкой в правлении хана-«рenegата». Он бежал из охваченного восстанием Крыма на корабле в русскую крепость Еникале, а затем был перевезён в контролируемую русскими Тамань. Там его ознакомили с решением Екатерины II о смещении его с престола и присоединении его государства к России.

Появление на Кубани Шагин-Гирея вызвало волнения другой части его бывших подданных — ногайцев. 18 августа 1783 года Александр Васильевич Суворов писал Григорию Александровичу Потёмкину: «Нет ни одного из нагаев, кто бы хану усердствовал, и ежели кто усердствует, то по страху от него. Он более нелюбим». Лучшим выходом он считал удаление Шагин-Гирея куда подальше, поскольку его присутствие возбуждает брожение среди ногайцев³⁹. Всеми оставленный, больной⁴⁰, хан добивался от императрицы разрешения на приезд в Петербург. Но Екатерина решила, что местом его проживания отныне будет Воронеж⁴¹. Востоковед В. Д. Смирнов напрасно считал первоначальным местом ссылки бывшего хана Калугу⁴²; она тоже будет в жизни Шагин-Гирея, но позже⁴³. А пока — в Воронеж, под пристально-любезное наблюдение азовского губернатора Василия Алексеевича Черткова.

После отрешения от престола Шагин-Гирей всегда одевался в чёрное и повязывал поверх тюрбана чёрный шелковый платок, закрывавший его лицо со всех сторон до подбородка. Его лицо поражало современников своей бледностью и печалью взгляда, отражающего тягостные раздумья. В последние годы жизни Шагин чурался роскоши; на его столе видели лишь одно блюдо — плов; — из напитков он употреблял воду, после которой позволял себе маленькую чашку кофе; изредка курил в одиночестве. Единствен-

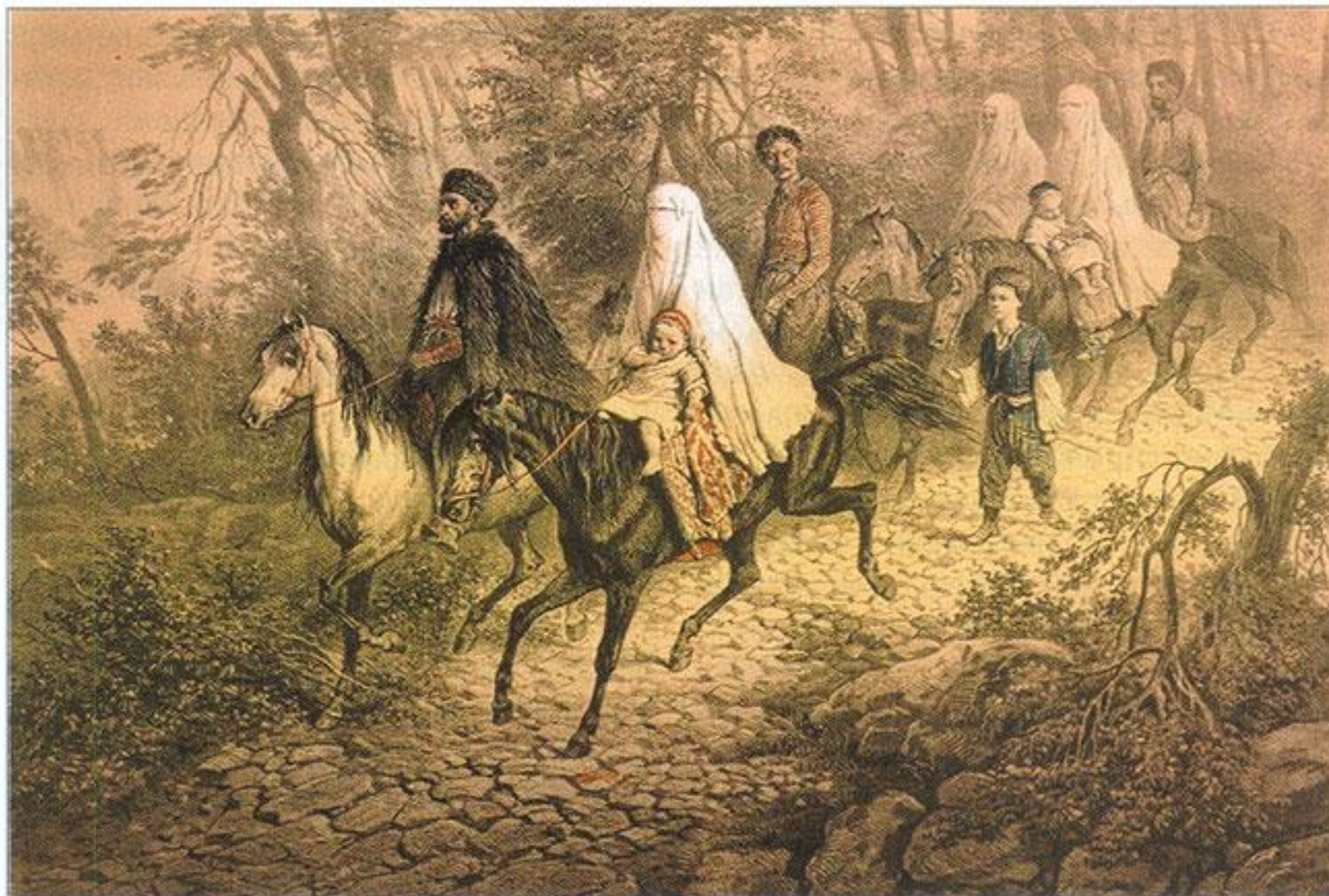

ное его развлечение составляла соколиная охота, которой он предавался даже проживая в загородном доме, подаренном ему воронежским архиепископом⁴⁴.

Но такая жизнь была уже лишена всякого смысла, и Шагин-Гирей добился от Екатерины II разрешения на выезд в Стамбул. Делал он это настолько прямолинейно, что вызвал откровенное раздражение императрицы. Уже в сентябре 1784 года она не возражала ни против отправки Шагин-Гирея в другой русский город (которым и оказалась Калуга), ни против его отъезда в «Турецкие земли»⁴⁵. 1786 год — Калуга... Новые просьбы об отъезде, новые долги и ожидание известий из Стамбула... Наконец, разрешение на въезд в пределы Блистательной Порты последовало, и в январе 1787-го Шагин-Гирей навсегда покинул Россию.

В Стамбуле ему организовали торжественную встречу, подобающую ханскому статусу, но затем, под стать давнему обычаю, отправили в ссылку на остров Родос. В дипломатических кругах рассказывали, будто он пытался найти защиту у французского консула, который даже приготовил судно для его побега. Но ветер дул в противоположную сторону; Шагина остановили и предложили ему выпить чашечку кофе, последнюю в его жизни⁴⁶. По другим данным — жестоко казнили...

Хан-сокол⁴⁷... Многозначное отточие его планов и грёз стало точкой в жизни. А ведь значение реформирования Шагин-Гиреем Крымского ханства как части *Rax Osmanica* было очень велико: подобные преобразования в Османской империи стали осуществляться лишь через несколько лет — при султани Селиме III,

Татарское семейство в дороге на Южном берегу Крыма. С рисунка Г. Граффе.

создавшем «низам-и-джедид» («новый порядок»). Сами реформы далеки от того, чтобы в их изучении ставить ещё одну точку (на что справедливо обратила внимание С. Ф. Орешкова⁴⁸, сравнившая реформаторство Шагин-Гирея с преобразованиями Селима III).

Присутствующий сегодня в науке ироничный взгляд большого числа учёных на крымскую независимость конца XVIII века не должен отменять анализа *альтернативных* возможностей развития Крымского ханства в указанный период. Современные исследователи могут более взвешенно подойти к оценке реформ Шагин-Гирея по трансформации традици-

онных укладов и институтов восточного общества. Заслуживает внимания вывод Фишера, согласно которому, попытки Шагин-Гирея создать новую систему управления носили не хаотичный характер, а были направлены на усиление центральной власти за счёт других элементов общества. Если бы дело преобразований было доведено до конца, то хан имел бы «основания надеяться на то, чтобы сделать Крым независимым государством, способным выжить... между Российской и Оттоманской империями»⁴⁹. И хотя 11-летний период независимости оказался последним в многовековой истории Крымского ханства, перед исследователями этой темы ещё много перспектив...

г. Киев — Ростов-на-Дону

Примечания

1. Лашков Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан (исторический очерк)// Киевская старина. 1886. Кн. 9. С. 37–80.
2. Абдулаева Г. Шагин Гирай. [Исторический роман]. Симферополь. 2008.
3. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М. 1992. С. 264. Любопытно, как утверждение о «непонимании» народом своего правителя, оторвавшегося от корней, послужило основанием для схожего «обвинения»: «Учившийся в Салониках и Венеции, знающий несколько языков, Шагин Гирей правил, не считаясь с национальными татарскими обычаями, и скоро превратился для своего народа в изменника и вероотступника»: Андреев А. Р. История Крыма. М. 2002. С. 231.
4. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. Cambridge. 1970. P. 82–90.
5. Сень Д. В. Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии// Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону. 2012. С. 130–137.
6. Лашков Ф. Указ. соч. С. 38.
7. Guthrie M. Atour, performed in the years

- 1795–1796, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London. 1802. P. 80.
8. Лашков Ф. Указ. соч. С. 38.
9. Там же. С. 41.
10. Всевысочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В. Н. Панина. Т. I. М. 1872. С. 48–55.
11. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М. 2004. С. 408–413.
12. Всевысочайшие рескрипты... С. 66–69.
13. Архив Государственного Совета. Т. I. СПб. 1869. С. 125.
14. Всевысочайшие рескрипты... С. 100–109; Архив Государственного Совета. Т. I. С. 74.
15. Лашков Ф. Указ. соч. С. 43–45.
16. Записки генерал-фельдмаршала... С. 490.
17. Там же. С. 482.
18. Там же. С. 505–506.
19. Там же. С. 543–544.
20. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. Т. 1. СПб. 1885. С. 429, 431–433.
21. Грибовский В. В. Формирование

- приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг.//Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск. 2014. С. 19.
22. Присоединение Крыма к России. Т. 1. С. 79, 135, 141.
23. Там же. С. 237, 299–304, 574.
24. Жиленков А. В. первые годы нашего господства в Крыму. Записки// Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. М. 1883. С. 81.
25. Присоединение Крыма к России. Т. 1. С. 493–500, 576–581.
26. Fisher A. W. Op. cit. P. 84–85.
27. Лашков Ф. Указ. соч. С. 58.
28. Жиленков А. В. Указ. соч. С. 12.
29. Fisher A. W. Op. cit. P. 86.
30. Ibid. P. 88–89.
31. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. 1999. С. 157.
32. Присоединение Крыма к России. Т. 1. С. 637, 790.
33. Рабби-Азарья. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана// ЧОИДР. 1856. Кн. 24. Отд. 2. С. 103–104.
34. Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford. 1978. P. 65.
35. Idem. The Russian Annexation... P. 100–101.
36. Присоединение Крыма к России. Т. 1. С. 800.

37. Fisher A. W. The Russian Annexation... P. 119.
38. Лашков Ф. Указ. соч. С. 64.
39. А. В. Суворов. Документы. Т. II. М. 1951. С. 276–277
40. Шагин-Гирей страдал подагрой. См.: Записки генерал-фельдмаршала... С. 491.
41. А. В. Суворов. Документы. Т. 2. С. 294–295.
42. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М. 2005. С. 201.
43. Холопов Ю. Последний полёт «Сокола»//Калужская застава: Историко-краеведческий альманах. 2001. С. 198–207.
44. Guthrie M. Op. cit. P. 81–82.
45. Исторические материалы// Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861. С. 35.
46. Guthrie M. Op. cit. P. 79–80.
47. «Шагин» — «сокол». Османское четверостишие гласило: «Поймали Шагина несчастных вздыханья;/ Он сослан в Родос; Бог даст, будет казнён/ Пусть примут поэты мою хронограмму;/ Хоть быстро летал, да попался соколику» (Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 207).
48. Орешкова С. Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в.//Вопросы истории. 2008. № 7. С. 124.
49. Fisher A. W. The Crimean Tatars. P. 63.